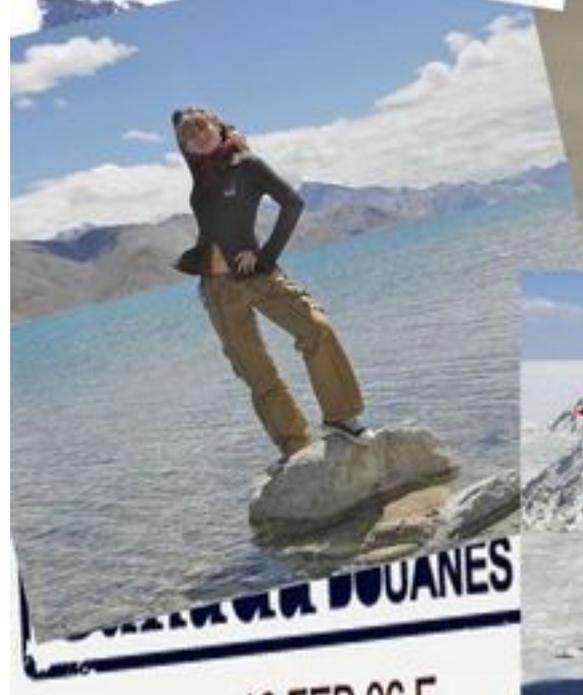

Блондинка вокруг света или

I did it my way

Анна Лазарева

**Хочешь сбежать?
спроси меня как**

Анна Лазарева

**Блондинка вокруг
света или I did it my way**

«Издательские решения»

2014

Лазарева А.

Блондинка вокруг света или I did it my way / А. Лазарева —
«Издательские решения», 2014

Это путевые записки девушки, которая прилично побродила по нашей планете. Если вы засиделись на месте, переживаете, что вас поглотили семья и быт, но боитесь все бросить и «рвануть», тогда эта впечатляющая история для вас. Она удивляет, восхищает и захватывает. Её уютно читать под одеялом, радуясь, что вы здесь, а не в безвыходном положении на другом конце земного шара. После неё больше ценишь семью и близких, но при этом, ваши чемоданы и рюкзаки начинают звать в дорогу...

Содержание

Начало и смутные времена	6
Мумбаи или Бомбей, Первый контракт	10
Керала, Второй контракт	18
Чинай или Мадрас	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Блондинка вокруг света или I did it my way

Анна Лазарева

*Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.*

М. Лермонтов

© Анна Лазарева, 2015

© Анжелика Зарипова, дизайн обложки, 2015

© Анна Лазарева, дизайн обложки, 2015

Корректор Эвелина Игнаткина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Начало и смутные времена

Вот решила написать о себе книгу... Пусть не скромно. И пусть почти пятая часть действия книги происходит в Индии, про которую уже всё, что возможно, написано. Всё равно напишу. У меня своя Индия и свои путешествия, и я не буду повторяться. Например, не будет здесь ни ашрамов, ни гуру, ни поисков своей религии, ни рассуждений на тему положительных вибраций и энергий космоса.

«Позор! – скажете вы. – Четыре года в Индии, а так и ни одной випасаны, ни одного ашрама!»

Я согласна на позор: разве это не делает индийскую часть книги особенной? Я не «спиритуальная персона», во всём сомневаюсь, ни во что не верю, но ничего и не отрицаю. Чего ищу, не знаю... Вру. Знаю. Ищу, вернее, искала, землю обетованную. А может, просто убегаю от газонокосилки. Не хочу быть её винтиком.

Пишут же люди разные книги о своих маленьких радостях. Например, о том, как некая довольно состоятельная дама ела макароны в Италии, безуспешно пыталась сосредоточиться в Индии и просто отдыхала на Бали, делая свои маленькие американские наивности, финансово поощряя местных шарлатанов. Были, значит, деньги. Попробовала бы эта дама попутешествовать «без копыя», таская на себе рюкзак, ноутбук и гитару, по всему миру.

Кстати, даже на восьмом году непрекращающихся мытарств я совсем не выгляжу как заскорузлая путешественница со стажем и гитарой. У меня расхождение формы и содержания. Внешность женщины-ребёнка, дредлоков нет, татуировок тоже, и ногти у меня чистые. А чистые ногти – явление сверхъестественное среди заскорузлых путешественников. Это вам всякий покоритель дорог скажет. Просто «блондинка на выходных». Такая вот свеженькая, секретарша, похожая на куклу с локонами. Такой бы как раз в ашрам, в поисках истины.

Дневник путешествий я не вела и писать буду по воспоминаниям. В общем, ни к одной категории не отношусь. Так что не стыдно мне! Я сама по себе.

Ай дид ит май вэй!

Когда-то, ещё в позапрошлой жизни, я снимала квартиру. Снимала до смешного дешево, поэтому и могла её себе позволить. Всё же для голодной студентки гуманитарного вуза и это было дорого.

Поэтому приходилось в поте лица зарабатывать свою копеечку, прыгая по десять часов на жаре в поролоновой кукле, или работать клубной зазывалой, стоя всю ночь, до самого утра, на улице. Всё бы ничего, но морозец был под двадцать градусов, а вечернее платье в пайетках, на бретелях, совсем не грело.

Приходилось также петь в маленьком притончике на «Щелчке», где криминальные элементы то и дело заказывали песни про тюрьму, угрожали другим посетителям пистолетами и затевали драки с ножами и разбитыми бутылками. Место действия иногда перемещалось прямо на маленький уступочек, служивший мне сценой. Как мне забыть: я пою на заказ песни про «Усталую подлодку» или «Я несла свою беду», а вокруг меня бегают друг за другом бандиты, с ножницами и матерщиной. Впрочем, ко мне бандиты относились неплохо.

Это была маленькая квартирка, на пятом этаже, в районе Речного вокзала. После смерти старой хозяйки я была здесь первой жилицей. Помню, как пришла посмотреть эту квартиру. Мне тогда так надоело быть бездомной! Поздний вечер, полумрак, лампа под синим абажуром с бахромой, массивное кресло, обтянутое синим бархатом, старый шифоньер с резьбой, в окно на кухне врываются ветви старой берёзы. Здесь было очень спокойно.

Хотя мне и понравилась квартира, я не была уверена, что смогу её оплачивать каждый месяц. Я дошла до автобусной остановки... и повернула обратно. У меня с собой не было постельного белья в ту ночь, и я спала прямо на покрывале. А на следующее утро объявила

тогдашнему хозяину, что на днях отдам ему деньги. В буфете на кухне оставались старые крупы, так что на первое время у меня было что поесть.

Я чувствовала присутствие старой хозяйки квартиры и знала, что она приняла меня здесь тепло и с удовольствием. Я как будто вернулась к любимой бабушке. Ну вот, а говорила, не спиритуальная персона.

Во время уборки в квартире я нашла черновики письма хозяйки к Сталину. В них она рассказывала вождю историю своей жизни: её звали Вандой, они с мужем были польскими революционерами. В письме она просила Сталина пересмотреть дело своего мужа. Муж сгинул в лагерях как враг народа, а сама бабушка Ванда до самой смерти жила одна. Работала уборщицей на Речном вокзале.

Помню, в тот год я устроилась в комедийно-музыкальный театр. Нам, актёрам этого театра, было не до комедии. Зарплата у нас была как раз такая, чтобы еле-еле заплатить за жильё, а на еду и проезд уже не хватало. Я постоянно колола себе витамины, спасаясь от авитаминоза, а может, и от самой цинги.

До сих пор помню, что в новогоднюю ночь на столе было три мандарина и двести граммов кильки как основное блюдо. А в день рождения – маленький пирожок с капустой, в который была воткнута единственная свечка. Я и моя подружка, такая же нищая, как я, съели этот маленький пирожок за моё здоровье, разрезав на две половинки. Подружка работала учительницей и подрабатывала в театре костюмером и декоратором. Дома её ждала голодная малолетняя дочь.

Времена были смутные. Кризис в стране. У кого не было купеческой жилки, могли запросто умереть с голоду, никто бы не помешал. Поэтому добрая режиссёрша моего нового театра иногда отдавала актёрам кости, которые покупала в ветмагазине для своей собаки. Чтобы бульончику поели.

Режиссёрша любила зайти ко мне в гости и «нажраться». Отказать было нельзя: «начальник всегда прав». Хорошо хоть режиссёрша, а не режиссёр. Вы меня понимаете. По причине «похотливый начальник» мне приходилось уходить из театра.

Случалось, режиссёрша являлась и в моё отсутствие. Дверь в эту съёмную квартиру едва висела на петлях, и хватало одного хорошего удара бедром, чтобы она открылась. Режиссёрша выпивала остатки водки вместе с моими духами и с храпом засыпала в бархатном кресле бабушки Ванды.

Та же режиссёрша подселила ко мне в квартиру хореографа из нашего театра. Хореограф любила выпить ничуть не меньше режиссёрши. Она мне запомнилась тем, что прятала от меня мои же продукты и, когда наступали голодные времена, тайком от меня их пожирала.

Как-то я застала её в моей кровати с мужчиной довольно маргинального вида. Она подобрала его на какой-то станции электрички. Я была в бешенстве. Тем более что постельное бельё было только что снято с верёвки. Стиральной машины там, конечно, не было, и стирка превращалась в серьёзное мероприятие.

Хореографичка в то время уже вовсю скатывалась к белой горячке. Она «ловила мух» перед глазами, наслаждалась инфернальными галлюцинациями и вообще вела себя очень характерно.

Она съехала, не заплатив ни за один месяц проживания в этой квартире. А я вскоре покинула театр, даже с некоторым скандалом.

Через какое-то время до меня дошли вести, что хореографичка оказалась в тюрьме, на девять лет, за убийство своего квартиросдатчика. Восемь ударов молотком и шестнадцать ножевых ранений... Но, я знаю, со мной ничего бы не случилось, пока в квартире жил добрый дух бабушки Ванды.

Времена тёмного прошлого миновали. У меня уже не было недостатка ни в одном предмете первой необходимости, и я уверенно шагала в своё серое, с чёрными прожилками, буду-

щее. Я занимала своё место на этом конвейере слякотной действительности. И повторяла, как мантру: «Это не моя жизнь. Это не моя жизнь... Таких две жизни за одну, но только полную тревог, я променял бы, если б мог».

В 2005 году мне предложили работу в Индии по контракту. Петь в клубе пятизвёздочного отеля. Три часа каждый вечер, один выходной в неделю. Полный пансион, в тех же пяти звездах, плюс зарплата.

Все отговаривали:

– Ты оттуда сбежишь через неделю...

– С тобой что-нибудь случится...

– Тебя заберут...

И я... поехала, и «что-нибудь» случилось, и меня «забрали». Моя жизнь изменилась до неузнаваемости, окончательно и бесповоротно, а была она однообразная и неповоротливая.

«...Таких две жизни за одну, но только полную тревог, я променял бы, если б мог...»

Казалось, что всё, что могло в ней произойти, уже произошло. (Не тем будет моё прошлое помянуто.) И ничего более этого предвидеться просто не может. Это место, в котором я буду жить всю оставшуюся. Это люди, которых я буду видеть всю оставшуюся. А это газонокосилка, винтиком которой я буду всю оставшуюся. Гайки закручивались. Ведь сказано: «Чем человек старше, тем у него меньше шансов изменить жизнь».

И я поехала. И это было начало моей жизни, не побоюсь этого слова. Просто хотелось посмотреть мир хоть одним глазком. Почувствовать, как это – лежать с коктейлем на солнце, когда Там зима. Просто позволить себе не кутаться, а развернуть гордо грудь и наслаждаться ветром, вместо того чтобы ненавидеть его. Стать интересной для себя самой, ехать в неизведанное в ночном такси, встречать людей из других измерений и, если захочется, притвориться той, которой я, может быть, и не являюсь.

Притвориться, что никогда не приходилось жить в коммуналке, полной вонючих, мычащих алкоголиков, гадающих под себя и отрубающихся на входе в твою комнату. Алкоголиков, размазывающих поганой мордой соплю по крашеному паркету, ворующих «Китикет» у дворовых кошек и блюющих в раковину на кухне.

Хотелось притвориться, что не приходилось давиться пустой манкой на воде или даже жевать чайную заварку, когда манка кончалась. Притвориться, будто никогда не приходилось нелегально жить в общежитии и прятаться в шкафу во время обхода. В шкафу самого отвратительного общежития всех времён и народов, где бедолаги рабфаковцы по утрам вычерпывали половниками в ведро говно из годами забытых унитазов и выплёскивали его на ближайшей помойке. Даже и назывались они «рабфаковцы». Первая половина слова – «Раб». А вторую половину может без труда перевести всякий, кто хоть сколько-то знаком с английским. Действительно, раб-факовцы были, прилично выражаясь, заезжены.

Притвориться, что не приходилось принимать душ в затопленном подвале, осторожно перепрыгивая с кирпича на кирпич, чтобы избежать соприкосновения с осклизлыми стенами и стоялыми, сточными водами, по которым плыли плевки, волосы и предметы личной гигиены. Впоследствии ни в одной самой третьей стране я такого не встречала. Ни в одном сквоте Латинской Америки, ни в одной ночлежке Индии. Нигде. Слышала, подобные описания имеют место в тюрьмах третьего мира... и в нашей второй общежитии.

Так вот, возвращаясь к повествованию, хотелось притвориться, что не приходилось мёрзнуть до омертвления на остановках и чувствовать себя маленьким незначительным винтиком в этом грязном, слякотном конвейере.

Предупреждаю сразу, здесь не будет счастливого голливудского конца. Моя жизнь так и не стала комфортабельной, но я смогла сделать её чертовски интересной. И я не жалею. Я принимаю условия!

Я поехала. Первый полёт в Индию был очень удачным. Мой отель раскошелился на место в бизнес-классе! Очень хорошее начало, чтобы почувствовать себя немногим больше, чем винтик...

Как же мне писать? Может, в стиле школьного сочинения «как я провёл лето»?
Поехали!

Мумбаи или Бомбей, Первый контракт

Ноябрь

Вот он, тот особый запах, уже воспетый до меня. Это первое, что замечаешь, сходя с самолёта. Нет, это не запах специй, запах специй будет потом. И не запах благовоний. Это запах, скорее, «воний». Запах открытой канализации и мокнущей помойки, и уже потом к этому запаху примешивается благодать. Скоро он становится родным.

Отель находится всего в десяти минутах от интернационального аэропорта. Поэтому в нём останавливаются лётчики и стюардессы из разных авиакомпаний и стран. Окружён отель слэмом. Пятизвёздочный отель в Индии – это оазис пресыщенной роскоши на куче мусора, по которой бродят гигантские крысы, лысеющие собаки и люди в разноцветных одеждах. Даже такую не обласканную мачехой-жизнью персону, как я, Индия немного шокировала.

Шли дни фестиваля огней, Дивали, одного из самых главных индийских праздников. Праздник последнего в году урожая, символизирующий конец лета. Индийцы зажигали масляные светильники и открывали двери домов, надеясь впустить богиню богатства и роскоши Лакшми. По городу висели разноцветные бумажные фонарики и украшения.

Доставщика багажа нашего отеля звали Кришной. У нас в России детей не называют именем Бога. Как-то слишком нескромно и с претензией. А вот в Индии имя Кришна, а в Латинской Америке – Хесус, очень распространены. Но тогда мне всё казалось странным... и я удивлялась...

На следующий день Кришна вызвался показать мне окрестности, пообещал даже крокодилов. Мы проехали на мотоцикле пол-Бомбея в поисках крокодилов. Крокодилов не было. Это был мой день рождения, и мы остановились в Шератоне пропустить по стаканчику виски за моё здоровье. Кришна жаловался на боль в спине, намекая на массаж. Рассказывал про индийский фильм, в котором описывается любовь русской циркачки, приехавшей на гастроли в Индию, и простого индийского парня Раджа Капура. Эти детско-индийские хитрости очень трогательны. Я не смотрела фильма, о котором говорил Кришна, и поэтому представляла себе Любовь Орлову в сетчатых чулках, как в старом советском фильме «Цирк», простого усатого загорелого парня и много массовых голливудских танцев на лужайке. Чтобы не раздражать воображение Кришны, впредь пришлось урезать общение с ним. Субординация и ещё раз субординация!

Пела я в клубе отеля каждый день перед дискотекой. Руководство выпустило маленькую афишку с моим именем. На афишке были изображены сова и я, в красном платье с декольте, открытым ртом и закатанными глазами. Пела я под фонограмму. Отель не хотел раскошелиться на музыкантов. Объясняли это тем, что в Индии, на сцене, вполне достаточно блондинки в вечернем платье и можно даже не петь. «Просто хады туда-суда...»

Кстати, в России я блондинкой не считаю. Для русских я русая. А во всём остальном мире, будь то Индия, США, Мексика или Англия, меня спрашивают с недоумением:

– Как не блондинка? А кто же ты, если у тебя волосы светлые?

А в моём отеле шутливо добавляют:

– Так что можешь и не напрягаться...

В России другие требования к блондинкам. Но книгу я из-за этого переименовывать не стану. Будем считать, что «блондинка» – это состояние души или то, как вас видят другие люди.

Цветов не дарили, видимо, считая это иррациональным. Зато иногда мне на сцену посылали нижнее бельё «Виктория секрет», мыло или красное вино, стоило мне запеть «Red, red wine». Если бельё оказывалось великовато, потом за меня его донашивала моя сестра.

В первую же неделю моего контракта я выучила, что в Индии нужно отказываться наотрез и без попыток быть вежливой. Вежливость расценивается здесь, особенно мужчиной, как приглашение к дальнейшим действиям. Факт, что ты совершенно очевидно пытаешься от него отделаться, не учитывается вообще. Выучила я это сразу после того, как была «осчастливлена» визитом юного индийского сикха.

Как известно, сикхи – каста воинов. Они не стригут волосы никогда в жизни, они заворачивают их вокруг головы, а сверху накручивают многометровую чалму. Но молодые, модные сикхи позволяют себе что-то типа шерстяной шапки особого фасона. Такой юноша напоминает МС, надевшего шапку на пучок на макушке.

Он пришёл ко мне в «шапке». Модная чёрная футболка с надписями, шапка на пучке, борода аккуратно намазана чем-то похожим на яйцо. Очень белая кожа, что говорит о его благородном происхождении. Граничащая с жирностью упитанность, что говорит о том, сколько пищи он может себе позволить. Принёс виски и очень приторный парфюм, которым я потом протирала диски.

После нескольких вежливых намеков на то, что мне нужно собираться на работу, что не хорошо мужчине находиться в моей комнате, он решил перейти к действиям в голливудском стиле. Он попросился в туалет и через некоторое время вышел оттуда в одних белых стрингах в сеточку, всё в той же «шапке» и в чёрных носках. Белый, упитанный и сексуальный, как разварившийся пельмень. С наигранно-выпученными глазами.

– Вот э ф..к?– задаю я законный вопрос.

– Я не хотел, – объяснял он, – вода сама, нечаянно, плеснула на меня!.. Что же мне теперь делать? – вопрошал он, драматично хватаясь за «шапку».

– Идти домой, – объясняла я. – Мне нужно на работу.

– Как же я пойду в мокрой одежде?

– Вот проблем? – спрашиваю я. – Мы же не в Норильске. На улице в два раза жарче, чем в отеле. Тебе ничего не грозит.

– Я не могу идти в мокрой одежде! Что люди скажут?

– ОК, – сказала я и принесла ему утюг, который он приложил, не включая, боковой стороной к мокрому пятну на футболке.

– Ты что, никогда не гладил? – я начинала сильно раздражаться.

– Нет, никогда.

– Кто же тогда гладит за тебя? – спросила я, пытаюсь его поймать.

– Слуги...

Хороший ответ в том же самом старом добром индийском стиле.

В общем, в этот день, перед работой, мне довелось выгладить футболку богатому индийскому парню, перед тем как вытолкать его за дверь. Выталкиваться с мокрым пятном он наотрез отказался. Даю полезный совет: аккуратнее с вежливостью в Индии. Сразу бы выгнала, не пустила бы в туалет – не пришлось бы гладить футболку. ... Так я знакомилась с Индией и её нравами.

Была приглашена на день рождения в молодую индийскую семью, с достатком выше среднего. Ели мозговые косточки в карри и прочие индийские огненные блюда. Это теперь я люблю индийскую кухню, а тогда не любила. В смысле, мозговые косточки любила всегда, а вот карри – только после двух лет, проведённых в Индии. Так что весь день рождения я просто терпела и ждала, как бы незаметно смыться. Хозяева, милая молодая пара, изо всех сил старались показать себя либералами. Хвалились европеизированными взглядами и тем, что еда в их доме не острая. Не острая еда познаётся в сравнении.

Пикантность восточной кухни логически обусловлена жарким климатом. Пища со специями дольше хранится, жгучие специи препятствуют развитию бактерий. За многие тысячелетия целые народы привыкли именно к такому рациону. Один индус рассказывал, что через несколько дней принятия неострой пищи у него возникают серьёзные проблемы с пищеварением.

Очередной раз, в тоске, я вышла на кухню и увидела двух девушек в сари и с книжками. Это были служанки. Они экзаменовали друг друга. Учились читать между подаванием тарелок. Свидетельство жажды знаний сквозь тернии делает меня сентиментальной. Я почти прослезилась и в припадке чувствительности выдала им обеим по пятьсот рупий...

Потом меня спрашивали: «Зачем?!»

Я и сама спрашивала себя: «Зачем?!»

Я ведь тоже приехала работать. Слуг я не держу. Отучилась в университете бесплатно, пройдя по конкурсу. Иначе тоже бы сейчас «училась читать между подаванием тарелок». Но, впрочем, не далеко и ушла, всё время финансовые проблемы, не сбывшиеся мечты. И вот тебе, раздаю пятисотки, как будто сама их печатаю.

Но вознаграждение пришло моментально. На следующий же день мне на сцену пришёл конверт из ниоткуда с моим именем и кругленькой суммой внутри. У Индии прямая связь с Космосом. Делайте добро, люди!

После того дня рождения я, подшофе, вела машину одного индийского лётчика. Машину с правым рулём. И с непривычки получала острые ощущения.

В Индии движение левостороннее. Флэшбэк, оставшийся с английских колониальных времён. Страна известна «броуновским» движением на дорогах. Всё, что движется, кидается под колёса, беспрестанно сигнализирует и неожиданно выворачивает с соседних полос и прилегающих территорий.

О существовании правил здесь вряд ли кто слышал. Никто никогда не показывает повороты. Фары ослепляют дальним светом, даже в городах. Иногда у машины есть только одна фара, и на неосвещённой дороге в неё легко можно въехать, перепутав с мотоциклом. У некоторых нет фар вообще. И тогда водители освещают себе дорогу, держа во рту зажжённый карманный фонарик. Со всем этим я ещё столкнусь, когда освою мотоцикл.

Индия – страна, в которой всё издаёт сильный шум и запах. Улицы кишат торговцами и покупателями. В каждой второй щели располагается ювелирный магазин. В каждой второй крысиной норе – интернет-салон. Тут и там продают ласси, выжимают соки, добавляют в них горы сахара и специй. Чистый продукт считается безвкусным. Официанты не относятся серьёзно к просьбам не добавлять специй. Приносят «облегчённый» вариант: четыре ложки сахара вместо шести. Они уверены, что это для вашего же блага, тем более, вы этого даже не заметите. Если отослать такой стакан обратно и попросить другой, через несколько минут к вам возвращается тот же самый стакан. Они по-прежнему надеются, что вы и этого не заметите. У западного человека через пару недель приёма таких напитков начинается фобия сахарного диабета. И правда, эта болезнь чрезвычайно распространена в Индии.

Иностранцы привлекают массу внимания в Индии, с ними стараются сфотографироваться или просто показаться. Индийские парни показывают такие фотографии друг другу и говорят: «Это я и моя гёлфренд». Если же на фотографии иностранец мужского пола, можно сказать: «Это я и мой лучший друг». Индийские женщины и дети тоже не отстают. Для них иностранцы, особенно со светлыми волосами, – это экзотика.

Поначалу я осматриваю достопримечательности. Слоновый остров расположен в десяти километрах от побережья. Паром отходит из центрального исторического района Колабы, от большой арки, называемой Ворота Индии.

Слоновьи пещеры, вместе со всеми своими скульптурами, выдолблены в скале где-то между пятым и восьмым тысячелетиями. В шестнадцатом веке пещеры были сильно подпор-

чены прибывшими сюда португальцами. В древних пещерах, полных индуистских скульптур, стоит приятная прохлада.

Ещё одна достопримечательность Бомбея – Биг Лондри, или Большая прачечная. Эта действительно большая прачечная расположена на открытом воздухе, под одним из мостов. С моста видны многочисленные цементные ванне ячейки, внизу. В них возятся люди с изъеденными работой руками. Они замачивают, отбеливают, полощут. Рядом, на бельевых верёвках, огромными белыми парусами развеваются выстиранные простыни. Наверное, это заказ одного из отелей. Индия – страна контрастов.

Я приглашена на индийскую свадьбу в нашем отеле. Индийская свадьба – это что-то! Богатая индийская свадьба – это что-то в кубе! Всё ломится от красоты и гудит от излишеств. Излишества – элемент культуры Индии.

Готовится много еды в индийском стиле. Еда здесь имеет значение декорации. Всего, конечно, не съедят. Над бассейном ставят белый шёлковый шатёр. В нём будет сидеть невеста. Собираются роскошно одетые в национальные костюмы гости. Женщины обёрнуты в сари – пять метров дорогой, не кроёной материи. На руках и ногах у них звенят золотые браслеты. На ладонях минди – узор, нарисованный хной. Мужчины в чём-то похожем на длинные белые френчи, в очень узких, почти в обтяжку, белых кальсонах. На ногах туфли из светлой сыромятной кожи, с загнутыми вверх носами.

Обычно богатую свадьбу справляют в дорогих отелях, в нескольких городах и в несколько заходов. Например, несколько дней в Бомбее и несколько дней в Дели. Родители брачующихся оплачивают проживание всех гостей. Страшно подумать, сколько может стоить такая свадьба!

Упитанный жених в золотой парчовой чалме появляется на белой лошади под зонтиком. Невеста одета в красное сари, обшитое золотыми бусинами. Золотыми, в смысле, сделанными из чистого индийского золота. Чистое золото мягкое, почти как пластилин, и имеет ненатурально желтый цвет. Свадебное сари может стоить и более ста тысяч долларов. На руках и ногах у невесты – тяжёлые золотые браслеты, на шее и в ушах золотые украшения. Золото везде. Индия любит золото.

Один богатый индийский торговец заказал рубашку из чистой золотой нити. Весит такая рубашка около пяти килограммов. На интервью по случаю её получения он сказал, что в ней он чувствует себя увереннее на бизнес-совещаниях. А уж масса золота на теле невесты может доходить до сорока килограммов!

Начинаются безумные пляски. В Индии в основном танцуют мужчины. Женщины танцевать не любят. Они предпочитают сидеть в сторонке.

Вдохновлённая свадьбой, покупаю себе сари из дорогого красного шифона. По моему мнению, это самая красивая национальная одежда в мире. Беру уроки «надевания» у наших прачек. Они счастливы помочь. Индийцы несказанно умиляются, когда видят фореинера в индийской одежде. Для них это самое приятное зрелище. Под сари нужна специальная короткая и очень облегающая блуза и длинная нижняя юбка, к поясу которой сари и крепится.

Подворовываю и пользуюсь простой лентой, вместо юбки. Вроде получается. Два дня хожу в сари. Даже пою в нём. Всем, и фореинерам, и индусам, нравится моя одежда.

Что я могу сказать про мой новый опыт? Сари путается в ногах, я наступаю каблуком на его край, наплечная часть постоянно падает в еду или раковину. Я восхищаюсь индийскими женщинами, которые в сари моют пол, копают канавы, таскают кирпичи и выглядят, как будто только что вышли из бутика! Этому надо учиться.

Наступает Рождество и всё, что с ним связано. Под каждый Новый год моей неизменной ролью всегда оставалась Снегурочка. Каких только Снегурочек я не переиграла, и для детей и для взрослых! Для меня это было «оттепелью». Удавалась мне и роль сексуальной медсестры на корпоративах и годовщинах: в одной руке бутафорский шприц, в другой самая настоящая огромная клизма. Для увеличения груди использовались надутые шарики. В конце мероприя-

тия их можно было проткнуть иголкой, под общий хохот. Здесь я буду рождественским ангелом. Я разучиваю песню «Ave Maria». Скоро, по заказу руководства, мне придёт её спеть. Я буду стоять в луче света, на верхнем балконе лобби. На мне будет венок из белых орхидей и серебряная хламида.

А по вечерам я продолжаю петь свои три сета на сцене клуба. Часто в клуб заруливают местные магнаты и крёстные отцы. Они просто швыряют деньгами! Соревнуются друг с другом, кто больше расшвыряет.

Отношения с немецким руководством складываются великолепно. Теперь Индия меня больше не смущает. Я отмякла на пятизвёздочном солнце. В основном моя жизнь состоит из лежания у бассейна отеля, поедания лобстеров, устриц и питья «Дом Периньона». Также меня обуревают бриллиантово-золотая лихорадка. Мне нравится охотиться за бриллиантами в местных ювелирных салонах. Никогда у меня не было тяги к бриллиантам, а здесь появилась. Излишества богатой индийской касты действуют и на меня. Мне нравится появляться в новых туалетах в лобби, высокомерно, не замечая восторженных взглядов постояльцев отеля. Руководство мной гордится. А я живу совсем другую жизнь. Я даже думать не хочу о прошлом. Да сотрётся оно!

Как-то к бассейну приходит богатая семья со Среднего Востока. Муж и две жены. Муж плавает в бассейне вместе со мной и демонстрирует всем нам свой баттерфляй. Две его жены сидят на берегу, полностью замотанные в черный материал. Здесь самое время сказать: «Не в деньгах счастье!»

В отеле есть и другие музыканты, это семейная пара с Филиппин. В преддверии Рождества мы все приглашены на ужин в апартаменты одного пожилого шотландского повара в отставке.

Повар – одинокий, скучающий человек, уже несколько лет живёт в Бомбее. Он занимается бизнесом и является завсегдатаем нашего отеля. Говорят, в лучшие годы ему довелось поработать на кухне королевы, и он постоянно критикует наши рестораны.

Едим филиппинский си фуд суп, морского окуня, запечённого в соли, и гвоздь программы: стейки настоящего дикого оленя, убитого самим поваром в горах Шотландии и привезённого в Бомбей в термосе. Я не сторонница охоты, но есть в этом что-то старое, английское... Оленя жарим на гриле, на балконе. С этого балкона, на двадцать каком-то этаже, открывается великолепный вид на озеро и окраину Бомбея. Филиппинка зачем-то делает гамбургеры из магазинного фарша. Пьём старое шотландское виски.

На Рождество добрый повар дарит всем дорогие подарки и не забывает даже меня. Мне преподнесён новый фотоаппарат, взамен старого, украденного. Я лихорадочно раздумываю, что же ему подарить в следующий раз.

– Анна, он тратит деньги, как моряк, и постоянно делает всем подарки, – успокаивает меня филиппинка. – За ним всё равно не угнаться...

В канун Рождества я и мой новый романтический друг, канадский инженер-нефтяник, возвращаемся с пати из другого отеля. По дороге мы останавливаем нашего рикшу и ловим грузового слона. За тысячу рупий возница соглашается принять нас на борт своей корзины, и мы продолжаем путь уже на слоне.

Шершавый, как асфальт, перепачканный извёсткой слон, вечернее платье со стразами Сваровски, чёрный смокинг и опустевшие улицы усталого Бомбея...

Начинается время беспрестанных пати. Я чувствую себя такой проказницей, возвращаясь ранним утром обратно в отель! Всё ещё в вечернем платье, со смазанной косметикой, держа в руке открытые туфли на каблуке. Тихо-тихо, чтобы никого не разбудить, пробираюсь мимо ресепшена. Как возвращающаяся с бала принцесса, всю ночь танцевавшая со сказочным, опальным принцем... Я не хочу помнить ни одного дня из своего прошлого!

В Новогоднюю ночь, ровно в двенадцать часов, все повара и поварята родного отеля, в белых халатах и колпаках, колотя половниками по кастрюлям, бегут гуськом по всем коридорам отеля. Тут и там бродят чернокожие Санты. Персонал одет в карнавальные костюмы. С верхнего балкона на головы гостей летят 2006 сине-белых шаров. Наступает 2006 год. В ресторане льётся шампанское и бьют шоколадные фонтаны с клубничными берегами. Стоят ледяные скульптуры. Жарят лобстеров. Вскрывают устриц. На столах – огромные запечённые рыбы. И прочее, прочее.

Богатая индийская каста звякает тяжелыми бриллиантами. Мои бриллианты звякают потише. Американско-канадские нефтяники и франко-итальянские лёгчики, оставшиеся в Рождество на рабочих постах, по контрасту с нами, выглядят босяками. Чёрная и красная икра сервированы в ледяных вазочках. Жизнь удалась!

Давненько я не ела чёрной икры. С дрожью в ногах подбираюсь к вазочке. Разочарование. В вазочке не чёрная икра. В вазочке подделка. Очень похожая на вид, но не на вкус. Меня не обмануть, я выросла на Волге и в детстве ела её, родимую, ложками, из трёхлитровой банки.

Задаю осторожный вопрос шеф-повару:

– Мистер N, а знаете ли Вы, что икра поддельная?

Шеф начинает нервничать. Я оставляю эту тему. Ну, в самом деле, много ли народу в этом зале заметит подделку? Зато потом некоторые скажут: «Какая гадость эта ваша чёрная икра. И как вы её, русские, едите?» Ну и правильно, оставайтесь в неведении, нам самим её мало.

Налегаю на красную. Вижу, что остальным тоже красная нравится больше. Это потому, что она настоящая.

Меня всегда интересовал вопрос: куда девается недоеденная пища из отеля? После каждого буфета остаются горы не съеденного. Некоторые гигантские блюда так и стоят совсем нетронутые. Ими можно накормить целый квартал бомбейского слэма. Неужели их просто выкидывают? Похоже, что да. Я, как человек, прошедший голод, не могу думать об этом без негодования.

В феврале моего нефтяника переводят в Дели, и я лечу погостить к нему. В Дели прохладнее. Посещаем Лотос-темпл, это храм всех конфессий. То есть, представители любой религии могут прийти туда и помолиться. Мне нравится такой вариант. У меня агностические склонности. Я не знаю, в какой религии больше истины. Но знаю точно, что не в той, которая взрывает, убивает и диктует.

В Тадж-Махале очень людно. Это сильно мешает восхищаться современным чудом света. Что меня действительно восхищает, так это «железный столб» в резном архитектурном комплексе Кутаб Минар в Дели. Столб отлит из особого металлического сплава более полутора тысяч лет назад. Он не подвержен коррозии, и о составе этого сплава до сих пор спорят учёные. Умели же люди делать!

На обратном пути опаздываю на самолёт в Бомбей, по вине заблудившегося шофёра моего нефтяника. Приходится лететь с остановкой в Хайдарабаде.

Праздник Холи – это праздник конца зимы, символизирующий победу добра над злом. Если Дивали называют праздником Света, то Холи называют праздником Цвета. Это самое красочное зрелище, какое можно себе представить. Люди кидаются разноцветным порошком и плескаются разноцветной водой. Иностранцы в этот день прячутся в отелях.

Я всё чаще и чаще чувствую себя одинокой и запертой в золотой клетке. Нет, не в роскоши счастье! Не в пятизвёздочном отеле земля обетованная. При этом, к своему удивлению, я замечаю, что по России я тоже ещё не соскучилась. Я не ожидала от себя такого космополитизма. Вот оно, настроение идеальное, чтобы начать паковать дорожный рюкзак. Но пока я его не узнаю и отмахиваюсь от него.

Хоть я и не соскучилась по России, но контракт кончается, а самое главное, кончается срок действия моего загранпаспорта. Приходится возвращаться для решения бумажных вопросов. Но Индия, эта страна фэнтези, Иньский край, где возможно всё, навсегда меняет меня. Я сюда ещё вернусь.

Спозаранку пассажиры самолёта на взлётной полосе наблюдают, как всё население индийского слэма высыпает к стене аэропорта для совершения утреннего туалета. У каждого газета и ведро. Это выглядит, как ритуальное мероприятие. Сидя на ведре, можно почитать, посплетничать и обсудить новости. Закончив с ритуалом, жители слэма выплёскивают содержимое вёдер в океан. День начинается. Самолёту Аэрофлота предоставлен воздушный коридор всегда в одно и то же время. Так что в последующие годы мне доведётся наблюдать эту картину не раз.

В течение следующих нескольких месяцев идёт череда кратковременных поездок в Эмираты, в Таиланд, а потом опять в Эмираты. Мне совсем не сидится на неприветливой родине. Я встречаюсь со своим канадским нефтяником то тут, то там. Теперь он работает в Бахрейне. Иногда мы ссоримся, потому что он думает, что я им всё время не довольна. Это не так. Я не довольна только тем, что он так думает. Но я знаю – это у него от неуверенности в себе. И я закрываю на это глаза. В промежутках между встречами мой милый нефтяник забрасывает меня нежными письмами, в которых просит указать размер безымянного пальца левой руки, зовёт к себе в Бахрейн, обещает сделать не просто счастливой, а суперсчастливой и обращаться со мной, как с королевой. Свадебное путешествие предлагает провести в солнечной романтической Италии. От этих писем мне становится уютно, тепло и спокойно. В апреле еду к нему в Бахрейн, пора покончить со своей свободой и остепениться. Уже не маленькая.

Здесь сейчас проходят автогонки «Формула-1», и при наличии билета на них получение бахрейнской визы упрощается. Я не знаток гонок. Не могу определить элементарных вещей. Например, отстала та машина, которая сейчас находится далеко позади основной колонны или, наоборот, сильно вырвалась вперёд и уже догоняет остальных на новом витке. Мне становится скучно. В ушах стоит бешеный рёв. Приходится пользоваться берушами. Мимо трибун проносятся спортивные машины. В спину давят жёсткие сиденья. Не моё это, гонки. Я люблю тишину и свежий воздух.

Белое солнце пустыни, которое здесь действительно белое, стоит в мареве небес, сушит кожу и волосы. Под пятьдесят по Цельсию. Через несколько дней будет под шестьдесят. Если ехать в открытой машине, в лицо дует раскалённый воздух, как из фена для волос. Не моё это, пустыня. Я люблю лес и воду. Но сейчас я на Бахрейне.

Королевство Бахрейн – это самое маленькое арабское монархическое государство. Оно находится на архипелаге в Персидском заливе, и на его территории располагается крупнейшая военная база США. Всего в шестнадцать километров на восток лежит внушительный сосед Бахрейна – Саудовская Аравия. Страны соединены самым длинным в мире двадцатипятикилометровым морским автомаостом.

Многие слышали о жесткости порядков в Саудовской Аравии. Особенно в отношении женщин. Например, женщине не разрешено выходить из дома без сопровождения члена семьи мужского пола, не разрешено работать и водить машину. Существует множество других запретов. Саудовские женщины видят мир через чёрную сеточку. На руках у них чёрные перчатки. Не должно быть видно ни сантиметра открытой кожи. И всё это в климате, где можно яйца жарить на капоте автомобиля. В аэропорту я видела, как едят саудовские женщины. Они немного приподнимают паранджу и просовывают под неё вилку. И так каждый кусок... При этом девочкам внушается с детства, что они сами того хотят. И многие верят. А мы всё себя жалеем.

Алкоголь в Саудовской Аравии запрещён под страхом смертной казни. А в пятницу даже мужчина не может появляться в общественных местах без семьи. Неудивительно, что западные нефтяники, работающие в Саудовской Аравии, предпочитают жить на Бахрейне. Им приходится каждый день преодолевать двадцатипятикилометровый мост и проходить контроль на границе. У тех, кто работает долго, даже есть отдельная книжка, прилагающаяся к паспорту. Эта книжка испещрена пограничными штампами. Но кружка пива того стоит!

Я быстро схожусь с друзьями моего нефтяника: ирландской учительницей, английским инженером, мексиканской домохозяйкой и прочими. Мы ходим друг к другу в гости, перезваниваемся и постоянно встречаемся в разных местах, чтобы попить вина, поужинать или посетить музей. Как ни странно, сам нефтяник оказывается не таким уж компанейским человеком и, к сожалению, в основном пребывает в ворчливом настроении. Что вызывает порицание общественности.

Бахрейн и Эмираты называют оттепелью Саудовской Аравии. Местные модницы могут позволить себе открыть не только глаза, но и лица. На них надеты почти приталенные хиджабы из струящегося чёрного шёлка. Иногда на хиджабе бывает цветная окантовка. На головах у них высоко завязаны платки. Создаётся иллюзия изящного силуэта в короне. Женщины умудряются извлечь максимум из минимума позволенных выразительных средств. Жажда женщины жить и быть привлекательной пробивается как цветок из-под асфальта.

Больше всего это место мне запоминается тем, что здесь выращивают картофель и помидоры на клумбах и в цветочных горшках, причём не ради урожая, а ради цветов. И ещё тем, что мужчина, к которому я сюда приехала, чтобы стать его королевой, кинул в меня сковородкой с беконом, который я для него жарила.

Конечно, надолго я в подобном месте задерживаться не собираюсь.

«Карету мне, карету!»

Керала, Второй контракт

Август

В августе соглашаюсь на второй, ставший последним, контракт. Керала – самый южный, самый богатый и самый грамотный штат Индии. В аэропорту города Кочин меня встречают с именной табличкой. На табличке стоит моё имя в исковерканном виде и титул «мистер». Встречающий водитель удивлён, увидев мисс вместо мистера.

Я буду петь в круглом стеклянном ресторане отеля, который находится прямо на заводе. Аппаратура, конечно, не такая, как в Мумбаи, но сносная. Петь в неё можно. Посреди ресторана бьёт фонтан, выложенный голубой мозаикой. Задняя стенка сцены стеклянная. Сквозь неё открывается вид на затон.

В этом месте встречаются река и море. Воды смешиваются и образуют подсоленную заводь, со своим пресно-солёным миром. В нём живут странные животные, например, гигантские пресноводные креветки. Эти креветки до нереальности люминесцентно-голубые. По затону плавают сиреневые цветы—кочевники. Их корневая система ни к чему не крепится, и они просто перемещаются по течению. Иногда мимо отеля проплывают целые сиреневые поля.

В первую же неделю, как всегда, совершаю поездку по достопримечательностям Кочина. Керала – родина Аюрведы. В переводе с санскрита «Аюрведа» означает «знание жизни». Наука насчитывает более пяти тысяч лет и во главе угла ставит гармонию и баланс души и тела. А знания передаются от отцов к детям, из поколения в поколение. В Керале множество аюрведических клиник и частных врачей. На каждом шагу здесь делают массаж, и почти каждый магазин продаёт всевозможные зелья.

В Кочине делают знаменитые мелко нарезанные остро-солёные закуски «вырви глаз».

У каждого индийского штата свой язык. В Махараштре – марати, в Тамил Наду – тамил, в Гоа – конкани и так до бесконечности. Язык Кералы – малайалам. Почти все говорят на английском и далеко не все на хинди. По этой причине я хинди и не выучу.

Из бизнес-района Ернакулам в форт Кочин ходит паром. На дебаркадере две кассы, мужская и женская. Это для того, чтобы женщины не стояли в одной очереди с мужчинами. Глядя на контингент мужской очереди, понимаю, что это хорошая идея. Плюс в женской очереди намного меньше народу.

Форт Кочин богат историей. В старину сюда переселились китайцы. От них остались китайские сети, похожие на верфи. Ими здесь до сих пор ловят рыбу. Сети великолепно смотрятся на закате! Туристы обожают их фотографировать.

Несколько позже прибыли евреи, оставив древнюю синагогу с очень хорошо сохранившимися оригинальными напольными изразцами.

Потом приехали голландцы. От голландцев остались форт и старое кладбище. В трещину одной из могильных плит голландского кладбища кто-то положил куриную лапку. Это уже похоже на Вуду.

Почти сразу у меня появляются новые друзья из самых разных стран Европейского союза. Их объединяет то, что они все – завсегда в ресторанах, в котором я пою, и управляющие на местном заводе пластмассовых тазов и розеток.

Во время моего первого контракта в Бомбее я была избалована немецким менеджментом нашего отеля. Здесь, в Керале, в отеле с индийским руководством, царит атмосфера патриархата и меня пытаются строго контролировать. Это не по мне, поскольку я отношу себя к тому типу людей, которым для порядка и организации не нужны менеджеры.

Например, я говорю себе: «Надо выучить такой-то язык». Точка. Я беру самоучитель и выпускаю его из рук, скажем, через год, когда язык выучен до первоначально установленного, мною же, уровня. И мне для этого не требуются ректоры и наставники. Я сама стою у себя над душой лучше любого ректора.

То же самое касается моего поведения и морального облика. Считаю нужным – делаю, не считаю – не заставите. Да, это довольно анархические взгляды. Но я и не говорю, что они подходят всем.

Так или иначе, приходится провести ген-беседу с генменеджером:

– Сэр. Мне столько-то лет. Я приехала из почти что европейской страны, благословенной Раши. Где всем абсолютно наплевать на моё поведение. И я намереваюсь покинуть отель и квасить, где хочу и когда хочу. Вы не сможете меня контролировать, как контролировали предыдущих филиппинских певиц. У меня университетское образование, – вворачиваю я. – Ноуван кен стоп ми, сэр.

И чтобы совсем застрашать начальника, добавляю последний, совершенно убийственный аргумент:

– Плииииис... – голос звучит жалобно, брови собраны домиком. Должно сработать.

К счастью, сэр оказывается человеком умным. Он сразу понимает, о чём я говорю. Соглашается дать мне вольную и в последствии не жалеет об этом. Теперь я могу принять приглашение управляющих местного завода тазов и розеток съездить в Алапи.

Алапи – это деревня на берегу затона, в паре часов пути от Кочина. Там будут проходить ежегодные гонки снейк-ботов, или змеиных лодок.

Сезон дождей, очень влажно и жарко. Зелень такая молодая, что имеет салатный цвет. Чёрная, смердящая вода затона кажется густой, как кисель. Так выглядят многие индийские водоёмы.

Собираются толпы народа. На пальмах развешаны красные флаги, плакаты и фотографии Ленина и Маркса. Вот так могла бы выглядеть Россия после изменения наклона земной оси. Алапи – место, где победили коммунисты. В «азиях» и «латинамериках» много таких мест. Пролетарии всех стран до сих пор видят спасение от контрастов только под сенью красного флага с серпом и молотом.

В Керале есть и православные церкви. Православие пришло сюда из Сирии. Здания церквей не по-индийски неброские и без излишеств. Просто корпуса из белёного бетона, с башенкой и крестом. Священники во время служб тоже одеты скромно.

В рукавах заводи уже «толпятся» туристические корабли, местные лодки, лодчонки и плоты. С палубы одной лодки тощие парни прыгают в воду. На палубе другой лодки тощие парни поедают руками рис с бананового листа. А на этой лодке усатый дяденька с характерным индийским брюшком, похожим на музыкальный бемоль, показывает сценки из национального театра Катикали. Дяденька бешено вращает глазами, сдвигает брови и пританцовывает. И могу сказать, что у дяденьки неплохо получается.

Начинаются гонки. Лодки узкие и длинные. В ширину на них помещается только один гребец, в длину – до сорока. Отсюда название «snakeboats» – змеиные лодки.

На воде они выглядят очень неустойчиво. И действительно, по ходу гонки лодки по очереди тонут. Из воды видны только головы гребцов, одна за другой, как буйки.

Скоро на поверхности затона остаётся всего несколько лодок. Похоже, что выиграет не тот, кто быстрее, а тот, кто дольше всех продержится на воде.

Под свинцовым муссонным небом Кералы я обгораю почти до кости и лишаюсь голоса. Придётся петь с хрипами и «кукареканьями». Мой контракт не предусматривает больничного.

Национальный праздник Кералы – Онам. Празднуется возвращение на землю, к своим подданным, доброго мифического царя Махабали. Во времена его царствования в Керале был

Золотой век. В этот день женщины Кералы надевают белые хлопчатобумажные сари с золотой каймой, вплетают жасминовую гирлянду в волосы и качают друг друга на качелях.

Индийские женщины иногда могут быть такими красивыми!! Иной раз смотришь и думаешь: «Это уж слишком!» Даже не верится, что они настоящие.

Женский персонал отеля тоже меняет свою форменную одежду на Онам сари. И теперь в отеле безумно пахнет жасмином. Керальский жасмин – самый пахучий. Он просто сшибает с ног.

Онам празднуется только в Керале. Белый цвет во всей Индии считается цветом траура, а в Керале – торжества. Этот штат богат своей особенной культурой, отличной от культуры остальных штатов. И я решаю не отставать.

Белое сари с золотой каймой, жасминовая гирлянда в волосах. Короткая блуза, хоть и сшитая специально по мне, настолько узка, что по рукам перестаёт циркулировать кровь и они начинают отниматься. На зелёной лужайке в форте Кочин керальские девушки в таких же белых сари качают меня на качелях.

Как всегда, индийцы счастливы видеть иностранку в их национальной одежде. Дамы, работающие в моём отеле, заставляют меня надеть нижнюю юбку. Нижняя юбка в отеле полагается по форме. Как же удивлены дамы, увидев, что я ещё и не ношу рейтуз по колено. Эти рейтузы они называют трусиками и считают их незаменимой частью женского гардероба. Дамы хихикают и стыдливо прикрывают рот, а меня подмывает спросить:

– Над кем смеёмся? Над собой смеёмся! На улице тропическая жара, температура никогда не опускается ниже двадцати по Цельсию. На вас пять метров не продуваемой ткани, полотняная юбка по щиколотку и плотные рейтузы по колено...

Что поделывать, другая культура. Хотя моя одежда и не слишком кричащая, всё же здесь она вызывает сильный резонанс. Мне даже зачитывают специальное постановление менеджера по персоналу: «Певица такая-то должна носить бюстгальтер», сноски: «поскольку персонал отеля обсуждает...»

Я никогда не носила бюстгальтер. Несколько раз покупала, но потом всегда забывала надеть. Такая вот интимная особенность. Бюстгальтеры со мной не дружат. Но постановление начальника для меня закон. Еду за бюстгальтером. Местные бюстгальтеры, все до одного, на вате, с эффектом увеличения груди. Покупаю самый скромный, и всё равно в нём я выгляжу куда более вызывающе, чем без него. Теперь мне и самой становится неудобно, и я выхожу из номера в лёгком палантине на плечах. Разговоры немного утихают.

Через некоторое время местная газета берёт у меня интервью, на следующий день я просыпаюсь знаменитостью... В бизнес-районе Кочина Ернакуламе и так очень не много иностранцев, а тут ещё эта статья с фотографией... Меня начинают узнавать на улице и просить автограф.

Вслед за этим, по указанию руководства отеля, я даю ещё одно интервью. На этот раз местному телевидению. В течение получаса я отвечаю на тогда ещё ломаном английском на сладенькие, банальные вопросы ведущего. У меня совершенно пряничное выражение лица и доброжелательно-слабоумная улыбка.

В конце передачи я пою латин-поп-песенку «Pasadena» и «Falling in love with you» Пресли. Всё действие происходит на фоне проплывающих по заводи кустов. Передача до слепания приторная. Я изо всех сил стараюсь, чтобы её не увидели мои тазо-розеточники. Вслед за этим потянулась толпа местных папарацци...

Ведущий передачи преследует меня и предлагает съёмки с обнажённой. Многократно отказываюсь. В обиде он заявляет, что ему и наплевать, поскольку его индуистские родители всё равно не разрешили бы ему «жениться на русской».

Целые семьи ловят меня на улице и просят автограф. Некоторые пытаются познакомиться поближе. При отказе начинают плакать.

Прямо перед отелем вешают огромный щит с коллажем, на котором очень крупным планом изображено моё пряничное лицо, микрофон и бушующая в экстазе толпа. Щит гласит: «Из России с любовью. От кантри до рока».

Мне не дают прохода. Мне не скрыться от большой славы на маленьком пяточке. Местный композитор предлагает написать специально для меня рок-оперу. Я с ужасом отказываюсь. Он по-детски оскорбляется и рассказывает всем, что это он отказался со мной работать, потому что я плохая певица. То есть, у меня появляются недоброжелатели.

Всё, как полагается в мире большого шоу-бизнеса. Я испытываю на собственной шкуре тяжелое ярмо популярности. Как же легко прославиться в Индии! Теперь я покидаю отель, замотанная в шаль. Со временем пройдёт и это.

Наконец решаю заняться йогой и нахожу самую уважаемую учительницу в Кочине.

Моей тёзке и новой подруге по курсам йоги – сорок лет. Она из высшей касты в Дели, и у неё великолепные волосы.

– Я была профессором в университете, – говорит она, – но потом вышла замуж и стала заботиться о своей семье.

Раз в год индийская женщина должна голодать в течение суток. Делается это как жертвоприношение богам, но почему-то ради здоровья супруга. В тот день она всё равно пришла на йогу и жаловалась на головную боль от голода. Прочие дамы тоже жаловались...

Вскоре Анна приглашает меня на девичник в ближайший отель. Дресс-код – сари. У меня есть только белое, с праздника Онам. Но Анна из Дели, для неё это цвет вдовства, и она приносит мне своё, разноцветное. Чёрную бархатную блузу к нему покупаю я сама.

На празднике присутствуют очень уважаемые жены очень уважаемых мужей. Одна из них, жена начальника местной полиции, обещает мне покровительство в случае чего.

Я дарю Анне бинди от кутюр. Бинди – это та самая индийская точка на лоб. Она принимает, но потом сознаётся, что ей по касте не полагается. Я провела в Индии почти четыре года, но так и не разобралась в этих сложностях.

Сам праздник получается довольно скучный. Скорее, посиделки. Поели сладкого, попили безалкогольного, пофотографировались, посидели на стульях у стены. Порассказывали друг другу, как они провели выходные. С семьёй то, с семьёй это...

– А как ты провела выходные, – спросили меня, – у тебя же нет семьи?

– Ну, я выпила пива...

– О, май гуднесс!!! Анна дринкс бир!!!! (Анна пьёт пиво!)

– Анна дринкс бир!

– Анна дринкс бир?!

Они передавали это из уст в уста. Для них это нонсенс. Многие добропорядочные индийские дамы ни разу в жизни не пробовали алкоголя.

Как же хорошо, что я не объявила им, что, по факту, в прошедшие выходные я напилась в стельку. И плясала на столе у ирландского парня – менеджера тазов и розеток. И горланила русско-ирландские песни. И расплёскивала по комнате «Блэк Лэйбл». А может, «Джек Дэниелс». А Ирландский парень был нисколько не огорчён моим поведением... И подливал ещё, то ли «Блэк Лэйбл», то ли «Джек Дэниелс». Разве я сейчас вспомню?

Вообще, моё любимое – текила. Но виски я люблю тоже. Да и водку никто не отменял. Я вообще люблю выпить иной раз. Мы же русские люди! Но это особый момент алкогольного удовлетворения, когда напиваешься «Блю Лейбл», фор экзапл, или «Дом Периньоном». В Индии возможно всё! Не надо только бояться.

Вообще, страх – это самые тяжкие оковы для свободы. Я с ним борюсь, как могу. Но иногда он побеждает. Что уж поделаешь, я всего лишь человек... Вот мои соседи по коммуналке, алкоголики, те ничего не боятся, они выше этой суеты. Да здравствуют Алкогольные Будды!

И они здравствуют, без наших с вами вшивых пожеланий... Вот такое лирическое отступление.

Пати, у того ирландского парня, удалось куда лучше, чем девичник. Были венгры, немцы, сам ирландец, две французские лесбиянки и я. Венгерка, тоже тазо-розеточница, приготовила рагу из венгерской колбасы с картошкой и паприкой, а также блинчики с корицей. Она любила готовить.

Ирландский парень рассказывал, как к нему подошел один из его подчинённых и попросил отгул на пятницу.

– У меня через две недели свадьба, – объяснял индиец, – хочу съездить познакомиться с невестой.

– Как?! Ты женишься через две недели, и ни разу не видел невесту?

– Нет.

– А что, если она тебе не понравится?

– Понравится, – уверенно отвечал парень.

Это важно для индийских родителей – активно вмешиваться в судьбу своих детей. Это в традиции. Позволяет чувствовать свою значимость.

Один индийский парень рассказывал, что его сестра сама нашла себе мужа. И хотя её избранник был из той же касты и с хорошим состоянием, родители её были очень огорчены. Огорчены, потому что обошлись без них и они никак не повлияли на выбор дочери. И теперь этот парень считает, что обязан дать родителям возможность устроить его собственный брак. Он чувствует долг перед родителями.

В Индии всё возможно.

Другой парень, венгерский тазо-розеточник, жаловался на приставания индийской девушки в магазине одежды. Девушка делала ему очень недвусмысленные предложения. Возможно, перед свадьбой с незнакомцем она решила, что называется, оторваться. Такое тоже случается в Индии. В Индии всё возможно.

Сама не видела, но говорят, что где-то в глубине Индии до сих пор жён сжигают вместе с умершими мужьями...

Рассказывали о трагедии в Раджастане. Там отец невесты должен оплачивать свадьбу. Если отказаться – отлучение от касты. Аут каст для индийца – хуже смерти. Приближался срок свадьбы. Отец подсчитал затраты, понял, что свадьба полностью разорит семью, и заклал свою дочь. На нет и суда нет, похороны дешевле, чем свадьба. Не видела и не хочу верить. Но в Индии всё возможно.

А вот в Керале существует многожухие. Отцом детей считается дядя по материнской линии. Наследство достаётся по женской линии. Женщина может обзавестись хоть десятью мужьями, обычно братьями между собой. Но такое было в старину. Сейчас браки в основном малочисленные. Не более трёх мужей.

Один кералец рассказывал о такой полигамной семье, где-то на заливе. Жена равноценно делит время со всеми мужьями и родила каждому по ребёнку. Мужья-братья помогают ей по хозяйству. Керала – особенный штат.

Также лет пять назад случилась здесь и «ромеоиджульетта»-история. Они любили друг друга, им не дали пожениться, стали её выдавать за другого, они отравились. Рассказывали, что теперь в Кочине более осмотнительны с влюблёнными. Родители стали бояться, как бы их дети, воспитанные на песнях и плясках романтически-наивных болливудских фильмов, чего с собой не сотворили. Это мне рикша рассказывал, пока вёз с йоги.

Иногда ко мне заезжают две русские певицы из другого отеля. Вместе набухиваемся дешёвого рома «Ройал Стаг», заедая манго и бананами. Наутро они с похмелья уезжают на рикше обратно к себе. Путь не близкий.

В ноябре я совершаю незабываемую двухдневную поездку, на маленьком плетёном хаусботе, по затонам и каналам Кералы. Вот куда бы я хотела вернуться!

Посадка в Алапи. Только пять человек на борту. Три человека команды и двое отдыхающих. Разрешается постоять у штурвала. Тихо плывёт хаусбот. Рыбаки со своих лодок продают люминесцентно-голубых креветок, по 800 рупий за килограмм. Природа здесь тоже люминесцентная. Люминесцентно-зелёная. Время муссонов – время свежей зелени.

Иногда хаусбот причаливает к островкам, чтобы купить кокосов и бананов. Местные «чунга-чанги», в разноцветных одеждах, бегут по берегу каналов за лодкой, машут руками с островов, зазывая. Собаки стаями переправляются вплавь, с острова на остров. Цветной телевизор, с программным управлением, надрывается из шалаша под пальмой. Чёрные птицы, стоящие над водой с раскрытыми крыльями, похожи на Джиперс Криперса. Куда-то плывёт суровый кот...

Мы уже довольно далеко от смердящих вод Алапи. Очень тёплая, цветущая заводь больше не кажется грязной. И вечером, на закате, я бросаюсь в зелёную, но прозрачную мало-солёную воду затона.

Потом полночи лежу на синем велюровом диване, на носу, у штурвала и смотрю на легион золотых звёзд в синем велюровом небе.

Чинай или Мадрас

Декабрь

В начале декабря меня переводят в другой отель, в штат Тамил-Наду.

Город Чинай или Мадрас, по-старому, сразу поражает меня святыми сомами, обитающими в илистом пруду рядом с одним из храмов. Сомы кишат у берега, ожидая кормёжки. Мелькают жирные глянцевые бока. Иногда часть этого кишачего клубка отрывается от общей массы, пытаясь ухватить жертвенные сухари, и выбрасывается на ступеньки, обегающие пруд. А потом сползает обратно в воду, оставляя на камнях частички рыбьей кожи. Рядом ходит кот, плотоядно глядя на сомов. Я бы на его месте побереглась: в один прекрасный день сомы этого кота сожрут.

Чинай полон красивейших индуистских храмов, которые похожи на голубые торттики, облепленные религиозными фигурами. В храмах индианки в разноцветных сари благоговейно льют молоко на лингам Шивы, ставят глиняные горящие светильнички. Пахнет прокисшим молоком и благовониями.

На территории храма стоит раскидистое дерево, увешанное пластмассовыми пупсиками. Пупсиков продают рядом. Их вешают на дерево бесплодные прихожане, чтобы умиловить богов и получить долгожданное потомство.

Я пою на роскошной крыше нового отеля с живописным видом на траншею. По ночам мимо проносятся летучие мыши. Весьма inferнально.

У меня всего одна колонка. Я бы не стала жаловаться, я не капризна, но динамик издаёт только драм эн бас, поэтому его сразу же отключают. Из музыкальной аппаратуры на сцене только мой ноутбук. Он звучит, выбиваясь из последних сил. Микрофон не работает вообще, но зато есть требование всё же держать его в руке. В нём что-то звякает, и я использую его как маракас.

Заходящие на крышу пьяные индийские гости задают вполне понятные вопросы: «А почему так тихо поёшь? Вот в соседнем отеле поют громко». Я, конечно, пытаюсь объяснить, что в соседнем отеле счастливые певцы поют не в маракас, а в микрофон, и у них, представьте, есть даже колонки с усилителем. И нет такого невежественного начальства, как наш ФНБ менеджер, например. ФНБ менеджер – управляющий службой питания. Здесь, на беду, он также занимается работой с артистами. Но разве это объяснишь в такой ситуации? Типа, плохому танцору всегда яйца мешают.

Итак, аппаратура здесь бутафорская. Не веря в то, что такое может происходить в пятизвёздочном отеле, я продолжаю петь под ноутбук, без микрофона. Логическое объяснение есть только одно: приглашая певицу, руководство отеля намеревалось отмыть деньги или просто подворовать. Статьей расходов поставили: покупка аппаратуры – одна штука. Надеялись на авось, что старая колонка сойдёт за целый сет аппаратуры.

Но всему же есть пределы! Теперь-то уже всем понятно, что это не сработало. Срочно выкручивайтесь из положения! Купите что-нибудь простенькое, арендуйте аппаратуру, в конце концов. Но руководство только лупает на меня глазами, полными рыбьего интеллекта. До сих пор мои менеджеры были людьми как минимум разумными. Здесь же творится чёрт-те что!

Да уж, не назовёшь меня капризной певицей. Вспоминаю Россию, где иные «самозвёзды» не переставая жалуются на звук. Всё им не так. И это не так, и то не так.

– Да где же, наконец, приличный звуковик? – хныкают они, растягивая гла-а-асные.

Попробовали бы они попеть в маракас вместо микрофона. А не желаете ли трёх тупых электриков вместо приличного звуковика? Впрочем, электрики и не обязаны разбираться

в звуке. Это не их профессия. Они должны разбираться в электричестве. Но местные электрики почему-то очень боятся в этом признаться. Они, в обязательном порядке, приставлены к аппаратуре и мерзенько кляузничают начальству, что аппаратура не работает, потому что её сломала певица... Я, значит...

Это одна из самых непривлекательных черт Индии. Когда здесь что-то случается или перестаёт работать, люди сваливают друг на друга до последнего. Они никогда не признают свою ошибку или некомпетентность.

– Кто ошибся?! Я ошибся?! Я никогда в жизни не ошибаюсь! – в бешенстве вопит официант, принёсший вегетарианцу рагу со смачными кусками мяса.

– Он сам заказал свинину, – уверяет официант, тыкая указательным пальцем в вегетарианца и в запись в своём блокноте. Он ищет защиты у посетителей.

– Но ведь я не ем мяса уже двадцать восемь лет! – возмущается клиент.

Он только что, после двадцати восьми лет вегетарианства, оскоромился кусочком свининки, приняв его за кусочек панира, индийского творожного сыра.

– Вот и думай, что заказываешь. А я не могу ошибаться! Я никогда в жизни не ошибаюсь! Он никогда в жизни не ошибается!

А тем временем руководство моего нового пятизвёздочного отеля в Чинае продолжало придумывать новые несурезицы и демонстрировать самые невероятные глубины невежества и жадности. Я была невольно вовлечена в этот маскарад и находилась в бессильном бешенстве.

Такие письма писала я своему арт-агенту:

«Дорогой мистер N, пишет Вам русская певица такая-то... жалуясь на ФНБ менеджера такого-то... а фонограмма идёт из моего ноутбука... а петь мне приходится на пути в туалет... а во время выступления меня обязали бродить по всем залам... а в зале номер два ноутбука уже совсем не слышно, и мне приходится допевать а капелла... а гости во втором зале пугаются, когда я неожиданно заскакиваю к ним в тихое помещение, горланя песню с середины и потрясая микрофоном, который издаёт только звук отвинтившегося шурупа... а гости в первом зале удивляются, почему певица ушла со своего поста на середине песни и оставила фонограмму включённой...» И так далее, и тому подобное.

ФНБ менеджер в своём письме парировал, что это они, отель, – заказчики, а я – исполнитель. И, по контракту, я обязана петь так, как хотят они, и в то, что мне предоставлено. Пугал неустойкой. Потом помягче добавлял, что его-то как раз во мне всё устраивает, кроме моего избалованного, несносного характера. Ещё раз вспомнила про московских певиц. Эх, не нарывался ты ещё на Ксюшу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.